

КИНО И ВРЕМЯ **СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА**Георгий
Жженов:**ЛЮБЛЮ ГЕРОЕВ МУЖЕСТВЕННЫХ**

Народный артист СССР Г. Жженов создал много ярких, глубоких образов героев на сцене, в кино- и телефильмах. Наш корреспондент Ф. Агамалиев попросил актера поделиться своими мыслями о положительном герое в современном киноискусстве.

— Георгий Степанович, собираясь на встречу с вами, я, как водится, заглянул в ваше актерское «досье», чтобы вспомнить старые роли, узнать, не пропустил ли новые интересные работы. Признаться, число ваших экранных работ впечатляет — их около девяноста! Заметно, однако, что в последние годы вы заняты в кино меньше прежнего.

— Вопрос, надо сказать, острый... Видите ли, когда-то по молодости я придерживался правила играть все, что предлагают, — играть всегда честно, в меру таланта, достойно, никогда вполудуши, вполсилы... То не была всеядность, а было естественное актерское стремление как можно больше играть, ибо это и есть образ жизни и смысл жизни человека, избравшего профессию актера. Роль в кино в ту пору было много, как, впрочем, и в театре — я никогда не переставал ощущать себя актером театральным, никогда из-за кино не манкировал своим долгом по отношению к сцене. Но ведь, понимаете, в искусстве количество совсем не обязательно переходит в качество; в какой-то день, оглянувшись на наработанное в кино, я понял, что следует быть разборчивее. Стал меньше сниматься, памятуя чью-то формулу, что лучше плохо сняться в хорошем фильме, чем наоборот. И потом: время активной работы в кино, как ни прискорбно, с годами все больше отодвигалось в прошлое; многие ро-

ли стали, к сожалению, невозможны «по возрасту» — дело естественное...

Но это лишь одна часть ответа на ваш вопрос. Есть и другой и, может, более серьезный момент. Мне импонируют и в жизни, и на экране люди сильные, мужественные, беспрдельно верные своему гражданскому и человеческому долгу: характеры цельные, не ломающиеся и в самых отчаянных ситуациях, не теряющие жизнестойкости и жизнелюбия, как бы жизнь ни крутила-вертела. То есть люди, готовые и способные на поступок. Я и стремился всегда играть таких героев, поступком утверждающих свою позицию, сильных в защите добра, наших идеалов.

Так вот, в последние несколько лет я ощутил дефицит такого героя в предлагаемых сценариях. Речь идет, как вы понимаете, уже не о моей только личной актерской заинтересованности и занятости — речь идет уже в целом о проблеме положительного героя с социально активным началом: такой герой всегда нужен был искусству и жизни, а в наше неспокойное время он необходим больше, чем когда-либо...

Говорят, время рождает своего героя. И это бесспорно. Но я не могу согласиться с тем, что выразителем нашего времени является или тип сугубо рациональный, или мелко рефлектирующий, поразительно инфантильный субъект — «герой» многих нынешних фильмов. Такие, как когда-то удачно выра-

зился Виктор Шкловский, напоминают подбитых бабочек, не способных выше, чем на полметра, подняться над землей, над бытом.

— Но ведь, Георгий Степанович, в жизни есть и это — люди инфантильные, социально пассивные, люди, жизнь которых, если можно так сказать, не отмечена большими гражданскими поступками, — что же, искусству проходить мимо, сделать вид, что этого нет вовсе?

— Помилуйте, не призывают я ни к чему подобному! Только не следует из таких персонажей делать героев нашего времени, ибо это неправда, вовсе не они герои. Но из сказанного мной не следует вывод, что экран не должен интересоваться такими характерами. Отечественная наша литература и искусство от века тем и отличались, что никогда не дробили жизнь на явления достойные и недостойные внимания художника — тем и сильны они были и благодарный отклик имели всегда, что вмешивались во всё, будоражили, искали ответы на вопросы; литература и искусство в сознании нашем никогда не были предметом праздного любопытства, отдыхом после вечернего чаепития. Но экран не просто фиксировать должен или обрушиваться с маху на чью-то слабость. Его задача неизмеримо выше — художественно исследовать явление, разобраться в нем, помочь человеку обрести себя примером иного, достойного варианта судьбы и обязательно сказать о личной ответственности каждого и за свою судьбу, и за все происходящее вокруг. А то ведь трудности, перед которыми на экране пасуют иные молодые «герои», вовсе и не трудности, если сравнивать

их с тем, что довелось испытать старшим поколениям...

— У каждого поколения свои трудности, Георгий Степанович...

— Но для любого поколения неизменны должны быть категории мужества, чести... У меня прямо-таки аллергия на людей, сдающихся без попытки борьбы, истекающих зачумленным нутром. Не люблю! Люблю героя без кавычек и любящего жизнь всей «дрожью жилки» — жизнь яростную, еще очень далекую от идеальной, но слишком быстротечную и прекрасную, чтобы разменивать ее на мелочи...

— Вы правы, Георгий Степанович, — герой мужественный, верный, надежный, готовый пожертвовать всем во имя правого дела, — такой герой всегда был и привлекателен, и нужен. Трудно не вспомнить вашего генерала Бессонова из «Горячего снега» — как вручал он ордена семи оставшимся в живых, сделавшим невозможное, вставшим бойцам, таким же молодым, как его без вести пропавший сын; помнится, как говорили вы эти слова: «Спасибо за подбитые танки. Спасибо вам. Все, что могу. Все, что могу лично...» Высок, очищающий пафос был в том эпизоде...

— С этим фильмом я много поехал по свету, был в разных странах. И всюду фильм встречен был с уважением, симпатией и пониманием, несмотря на разность языков, культур, несовершенство исторического опыта. Мне в этом видится доказательство силы настоящего искусства. Правдивое искусство всегда найдет дорогу к людям, к другому народу. Вообще, мы порой даже не отдаем себе отчета в том, как глубоко проникают с экра-

на, со сцены в жизнь мысли и чувства художника, как остро сопереживает зритель герою, если он не посторонний жизни резонер, а человек, близкий по духу, по душе, по чаяниям. Мне приходят письма с разных концов страны, от людей разных судеб, нередко трудных; со мной советуются, ищут поддержки, на меня ссылаются в своих разговорах и спорах. Я понимаю, что не лично моя персона, а мои герои в том «повынные» — и я горд этим, я сознаю свой человеческий долг перед этими людьми, раз я взял на себя ответственность разбедить в них что-то сокровенное, заставившее их сесть за письмо. Я стремлюсь не обмануть их ожиданий; я стоек в убеждении: герой — добрый советчик, сильный и надежный друг — нужен людям.

— Почему же, по вашему мнению, мало на экране настоящих, всем нам нужных героев?

— А потому, что все еще мало — пусть меня извинят — граждански смелых художников. Дело в художнической робости перед сложностями жизни. Только обращение художника к серьезным проблемам, противоречиям жизни, исследование ее глубинных процессов рождает правду искусства, драматизм борьбы с косным, отжившим, мешающим нашему продвижению вперед. И только в такой борьбе становится герой героем. На недавнем юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР Константин Устинович Черненко говорил:

«Противоречия естественны и неизбежны в процессе развития социалистического общества. И, конечно же, они всегда так или иначе влияют на судьбы людей,

становятся источником нравственных коллизий. Тем более, что преодоление этих противоречий, хотя они и не носят у нас антагонистического характера, требует немалых усилий, большой гражданской смелости, принципиальности. Это — богатейшая пища для размышлений писателя, для того, чтобы выполнять извечную миссию литературы: побуждать общество, каждого человека пристальнее, строже взглянуть на самого себя. Для того, чтобы помогать ему всегда и во всем занимать активную позицию стойкого борца за наше общее дело».

Способность и готовность к преодолению, большая гражданская смелость, принципиальность — эти качества всегда определяли настоящего героя на экране — можно тут вновь обратиться к ярчайшим примерам — к Губанову, сыгранному Евгением Урбанским в «Коммунисте», и Трубкинову Михаила Ульянова из «Председателя»... Это работы страстные, публицистические, отмеченные высоким гражданским темпераментом их создателей, их стремлением вмешаться в жизнь, высветить ее темные углы, вскрыть ее противоречия. Герои этих картин утверждали себя, правоту своей позиции, своего дела в острой драматической борьбе и оставили глубокий след в сознании людей, посеяли зерна высокого примера. Но ведь следует сказать и о другом — о принципиальности, гражданской смелости, о способности и готовности художника преодолевать трудности. Разве легким был в свое время путь на экран того же Трубкинова, который давно и навсегда встал в единый строй с лучшими героями нашего киноискусства?

Но не каждый художник рожден бойцом, могущим стучаться во все двери, доказывая, что этот фильм, этот герой нужны, необходимы. А стучаться и доказывать драматургу, режиссеру приходится часто... И бывает, намаявшись с этим проблемным, серьезным кино, они другой раз не хотят вновь за подобное браться. И хорошие авторы, случается, перестают писать для кино. Или и того хуже — берутся за сочинение сценариев, мастерит закамуфлированных под «серьез», тем более что за примерами для подражания далеко ходить не нужно. У нас ведь немало кинематографистов процветают именно на таком кино. Ну, конечно доверять художнику, его судьба — это плоть от плоти судьбы народной, у него общая с народом социальная биография...

— Вот вы, Георгий Степанович, все говорите о драматургах, режиссерах... А если коснуться критики...

— У меня, как ни жаль, серьезные претензии к сегодняшней нашей критике. Есть у нас, конечно, прекрасные, умные, тонкие критики, «хула» которых для серьезного художника много дороже «возвышающего обмана» иных лихих перьев. Но ведь и переказ содержания фильма с минимальными комментариями «от себя», и жонглирование словами и понятиями во имя «спасения» художного, но «важного по теме» фильма — это тоже все еще в практике нашей критики. Иногда доходит до смешного: если критики разругают фильм или спектакль — каска обеспечена, зритель валом валит.

Я хочу уважать критику, хочу, чтобы она была действительно золотым звеном,

связующим художественный процесс с жизнью.

— Для этого, Георгий Степанович, нужен единый «нравственный закон» внутри художника и критика...

— Вот как толкует Владимир Иванович Даль слово «нравственный»: «... согласный с совестью, с законами правды, с достоинством человека, с долгом честного и чистого сердцем гражданина». Долг гражданина! — вот чем замыкает свое определение Даль. Долг и определяет серьезность намерений художника, гражданственную температуру и качество его искусства; беспредельная верность долгу, как мы уже говорили вначале, и движет по-настоящему мужественным, цельным героем, живущим достойно и полнокровно.

— Мы вновь вернулись к тому, с чего начинали, — к герою. Тогда последний вопрос: навсегда ли вы и мы простились с вашим Зароковым — Тульевым из киносериала о «Резиденте...»?

— Ничего подобного — уже готов сценарий нового двухсерийного фильма, теперь действительно завершающего. Это будет лента публицистическая, насыщенная политическими реалиями тревожного времени, в котором мы живем. Думаю, что политические, разоблачающие милитаризм фильма крайне нужны и важны сегодня — однако не поверхностные, а полные настоящего драматизма, с живыми героями, а не «типажами». Ну, а что касается моего Тульева, то в образе этом мне важна была и остается важная тема обретения Родины, тема осознания долга по отношению к ней — видите, вот и опять прозвучало слово «долг». На нем и закончим.